

Памяти Виктора Михайловича Бродянского

Дата рождения: 16 марта 1919 г.

Образование: Московский институт химического машиностроения (МИХМ).

Специальность по диплому ВУЗа: инженер-механик химической промышленности.

Ученые степени и звания: кандидат технических наук (1954 г.), доктор технических наук (1968 г.), доцент (1955 г.), профессор «Промышленные теплоэнергетические и криогенные системы» (1970 г.), «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (1998 г.).

Основные направления научной деятельности:
Докторская диссертация: «Эксергетический метод термодинамического анализа и его приложения в технике низких температур», подготовлено 30 кандидатов и 6 докторов наук.

Общее число опубликованных работ более 200, монографий и учебных пособий – 15.

Основные публикации:

- Бродянский В.М., Меерзон Ф.И. «Производство кислорода». Изд. Металлургия. 1 изд. 1960 г., 2 изд. – 1970 г.
- Соколов Е.Я., Бродянский В.М. «Эксергетические основы трансформации тепла и процессов охлаждения». Изд. «Энергия». 1 изд. 1968 г., 2 изд. – 1981 г.
- Бродянский В.М. «Эксергетический метод термодинамического анализа». Изд. «Энергия». 1973. (Перевод издания в Северной Корее).
- Мартынов А.В., Бродянский В.М. «Что такое вихревая труба?». Изд. «Энергия» 1976 г.
- Бродянский В.М., Семенов А.М. «Термодинамические основы криогенной техники». Изд. «Энергия» 1980 г. (Перевод издания в Китае 1991 г.).
- Бродянский В.М., Фратшер В., Михалек К. «Эксергетический метод и его приложения». Энергоатомиздат. М., 1988 г. (Перевод и издание в Германии и Китае).
- Бродянский В.М. «Вечный двигатель прежде и теперь». Изд. «Энергия» 1989 г.
- Справочник «Эксергетические расчеты» (Общая редакция и 3 раздела). Изд. «Наукова думка», Киев.
- Бродянский В.М. «Сади Карно. Научная биография». Изд. «Наука». 1994 г.
- Бродянский В.М. «Лазар Карно. 1753-1823». Изд. «Наука», 2003 г.

Место работы и должность:

- старший научный сотрудник ВНИИКИМАШ с 1949 г. по 1952 г.
- начальник газового цеха Первого Московского автогенного завода с 1952 г. по 1957 г.
- Московский энергетический институт (старший научный сотрудник, доцент, профессор) с 1957 г. по 2001 г.

Дополнительные сведения:

Ветеран Великой Отечественной войны. На фронте с 1941 по 1945 годы. Был ранен.
Правительственных наград, кроме боевых, нет.
Действительный член Международной академии холода.

В.Ситников (www.auditoriya.ru – клуб выпускников МЭИ)

Почет и признание

– Виктор Михайлович, расскажите о своих студенческих годах.

– Я учился в Московском институте химического машиностроения (МИХМ), ныне именуемом Московским государственным университетом инженерной экологии (МГУИЭ). С 4 курса, в июле 1941 года, добровольцем ушел на фронт. Был направлен в танковые войска, в мотопехоту. Воевал в Смоленской области, под Москвой и в Белоруссии. Получил два ранения, но все зажило как на собаке. После окончания войны подал рапорт с просьбой о демобилизации для продолжения

учебы. Но в то время была такая директива: всех необразованных отпускать, а людей с высшим и неоконченным высшим образованием оставлять – для укрепления армии. Рапорт я подавал три раза и неизменно получал отказ. Выход из положения все-таки нашелся. Из переписки с друзьями узнал, что в МИХМ открылась кафедра, которой заведует академик Петр Леонидович Капица. В следующем рапорте я написал, что хочу учиться именно на этой кафедре. П.Л. Капица тогда был довольно знаменит, и, по-видимому, его

фамилия произвела впечатление на начальство – меня отпустили. Я вернулся в институт на пятый курс. Потом защитил диплом и устроился работать в НИИ Кислородного машиностроения.

– Почему Вы связали свою жизнь именно с наукой?

– Дело в том, что отрасль разделения воздуха и изготовления кислорода получила у нас в стране большой толчок в связи с работами академика П.Л. Капицы. Он в то время произвел революцию в этой области. Вокруг него образовалась целая научная школа. Я как раз и попал в общество его учеников на кафедре МИХМ. Диплом писал у П.Л. Капицы; много времени проводил в Институте физических проблем, директором которого был также Петр Леонидович. Так я увлекся наукой, исследовательской работой – и до сих пор не могу остановиться, так сказать, перенял «капицынский» дух!

– Как Вы оказались в МЭИ?

– Да, в МЭИ я пошел работать не сразу после института. Начал свою карьеру в НИИ Кислородного Машиностроения. Там мы создали крупную кислородную установку. Мне было поручено пустить ее на заводе. Это был первый автогенный завод, снабжающий пол-Москвы продуктами разделения воздуха – кислородом, азотом и аргоном. Установку отладили, пустили и передали заводу в эксплуатацию. Сначала все шло хорошо, а потом начались проблемы. Вызывает меня директор НИИ и говорит, что на заводе какие-то неполадки, установка эксплуатируется неправильно.

Мне было поручено разобраться в ситуации и доложить. Я приехал – увидел, что установка используется совершенно варварски, с нарушением большинства норм и правил. Написал рапорт директору института, что не исключена возможность крупной аварии. На следующий день установка взорвалась... Положение было очень серьезное и неприятное. И меня опять направили на завод для срочного восстановления установки. Приняли авральные меры, и примерно в двадцать дней, под моим руководством, все работы были завершены. Стоит отметить, что в то время я был немножко строптивый, и директор НИИ не очень любил меня из-за этого. А тут сложилась вполне удобная ситуация, чтобы отправить (читай «сослать») меня на завод под предлогом оказания помощи. Я, конечно, очень сопротивлялся, потому что хотел заниматься наукой. Но мне сказали, либо на завод я «въеду на белом коне» – как спаситель, либо меня «внесут на носилках»... Я предпочел первый вариант и пять лет проработал начальником цеха. Потом мне это дело страшно надоело – я исчерпал все возможности усовершенствования оборудования. Никакой творческой работы не было, и осталась одна рутинная. Я уволился. Некоторое время крутился по разным организациям. В 1957 году профессор Ефим Яковлевич Соколов, заведующий кафедрой в МЭИ, пригласил меня на работу. Вот так я, собственно, и попал в наш институт. Сначала был ассистентом, потом доцентом, через некоторое время – профессором кафедры Промышленных

теплоэнергетических установок. Впоследствии, под руководством тогдашнего ректора Григорьева была организована кафедра Криогенной техники, на которой я работал до последнего времени.

– Что для Вас значит Московский энергетический институт?

– Московский энергетический институт – это мой родной дом. В нем я вырос в научном плане, и вырастил целую плеяду докторов наук, кандидатов и студентов. Вообще, я всегда с интересом и любовью относился к преподаванию. У меня было очень много способных и талантливых учеников. Несомненно, подавляющее большинство из них нашли свое место в жизни. Одни остались в науке, другие пошли работать на производство, третьи применили свои знания, опыт и потенциал в совершенно других областях, не связанных со специальностью. Но каждый из выпускников оказался востребованным. Когда бывшие ученики навещают меня, очень приятно и интересно слушать рассказы об их жизни, радоваться их успехам, переживать вместе с ними их трудности.

Кроме всего, следует отметить, что в МЭИ присутствует особая атмосфера и созданы отличные условия для занятия научными исследованиями. Также этому способствует дружный и талантливый коллектив института. Именно в МЭИ мне удалось реализовать себя как ученому. В начале своей научной деятельности в нашем институте, на кафедре профессора Е.Я. Соколова, я возглавлял холодно-криогенное крыло. На протяжении всей жизни

я продолжаю заниматься вопросами в области низких температур и производства кислорода. Может быть, это и не скромно прозвучит, но за годы работы я сделал порядка двадцати пяти изобретений. Написал около двух десятков книг (в том числе и учебных пособий), многие из которых переведены на немецкий, французский, китайский и корейский языки. И все это во многом благодаря МЭИ и тем людям, которые его создают. Ведь что такое институт? Это не просто здания, оборудования, документация и научная литература. Прежде всего, МЭИ – это люди – преподаватели, сотрудники и студенты, которые объединены общей целью, тягой к знаниям!

– Какие качества Вы прививали своим ученикам, студентам?

– Во-первых, я старался возбуждать в них интерес к специальности. Ведь, если студенту интересно, то процесс учебы превращается в увлекательнейшее занятие. Совсем не скучное, как это кажется с первого взгляда. Тогда молодые люди с удовольствием ходят на лекции и семинары, выполняют лабораторные работы, читают учебники и научную литературу, легко разбираются в материале. Во-вторых, это интерес к работе, практической деятельности. Постоянно устраивал для студентов экскурсии на заводы. Ученики должны видеть, как применяются в жизни те или иные научные разработки. Не должно быть отрыва теории от практики. Ну и, конечно, одно из самых главных качеств, которым должен обладать любой человек,

В.М.Бродянский
и И.М.Калнинь

а тем более выпускник МЭИ – ответственность. Ответственность перед собой, пред наукой, обществом, Родиной.

– Виктор Михайлович, я знаю, что Вы часто бывали в зарубежных командировках. Какая страна Вам больше всего понравилась?

– Действительно, пришлось исколесить полмира. Я побывал на всех континентах, кроме Австралии. Не говоря уже о нашей стране: объездил почти все Союзные республики...У МЭИ тогда был довольно хороший стиль – посылать своих профессоров в периферийные ВУЗы СССР для оказания помощи, организации учебного процесса. Понравилось, наверное, больше всего в Китае. Уникальная страна – бережно сохраняют свои тысячелетние традиции и историю, но, между тем, идут в ногу со временем. Много раз был в Германии, но с каждой поездкой интерес к этой стране не угасал. Даже выпустил несколько книг со своими немецкими коллегами.

– Чем Вы увлекаетесь помимо научной работы?

– Люблю музыку, литературу, историю. Читаю, прежде всего, русскую классику. А так, вкусы

разнообразны: от «Бравого солдата Швейка» до «Нового мира».

Вспоминаю историю о том, как я пристрастился к музыке. Школьником, в 9 – 10 классе, в музыкальном отношении я был абсолютно серым, как лапоть. Моя мама, женщина очень образованная, увидела это и решила меня как-то заинтересовать. Задавшись целью, она повела меня в Большой театр на оперу «Князь Игорь». До сих пор помню эту дату – 1 сентября 1936 года, открытие Первого театрального фестиваля. Опера была в хорошей постановке. Пели теперь уже легендарные – Иван Семенович Козловский, Надежда Андреевна Обухова, Сергей Яковлевич Лемешев. Когда я услышал их голоса, музыку, то совершенно обалдел! Это было как удар кувалдой по голове! Пришел домой и сказал маме, что хочу заниматься музыкой. Она и устроила мне учебу у одной из студенток Московской консерватории. На протяжении пяти лет я регулярно посещал эти уроки. Немного овладел фортепьяно, расширил свой музыкальный кругозор, и с тех пор не теряю интерес к такому замечательному искусству.

– Вы награждены многочисленными орденами и медалями, какие из них для Вас самые памятные, самые дорогие?

– Самые дорогие награды, конечно, за участие в Великой Отечественной войне. Орден Отечественной войны 1 степени, Орден Красной Звезды и другие... Еще на память остались несколько осколков в теле... Вообще, с этими осколками была одна интересная

и комичная история. Произошла она во время моей командировки в США. Вместе со своим учеником, доцентом МЭИ, мы пошли на экскурсию в Конгресс, в Вашингтоне. На входе сработала сигнализация металлоискателя. Полицейские подумали, что у нас оружие и схватились за пистолеты. Мы им все объяснили – они отковыряли и отпустили нас.

Также хочу сказать несколько слов о премии Клуба выпускников МЭИ «Почет и признание», лауреатом которой я стал в 2006 году. Конечно, мне было очень приятно. Я рад, что мою работу ценят и обо мне не забывают. Благодарность учеников – пожалуй, лучшая награда!

На днях мне вручили еще одну памятную и дорогую для моего сердца медаль. Медаль Петра Леонидовича Капицы «За вклад в развитие криогеники».

– Виктор Михайлович, что бы Вы пожелали нынешним студентам?

– Прежде всего, не лениться! Лень, как мне кажется, это основной порок нашей молодежи. Трудолюбие и дисциплину надо воспитывать в себе, начиная со школьных лет. Нельзя чего-то добиться в жизни, достигнуть каких-то высот просто так, не вкладывая своих сил, времени, желания. Также хотелось, чтобы студенты искренне интересовались учебной, своей специальностью. Ведь все мы учимся в первую очередь для себя. Не ради оценок, не ради похвалы преподавателей, не ради родителей – а для себя! Пусть молодые люди не забывают это. Еще всем хорошего настроения, самочувствия и здоровья.

Свой шаг им сделан... И он не будет забыт

В хмурое, не по-весеннему снежное, субботнее утро 21 марта мы простились с Виктором Михайловичем Бродяньским. Простились навсегда.

За девяносто лет в его жизни была Великая Отечественная война; учеба в МИХМе, на кафедре, основанной Петром Леонидовичем

Капицей; был бокс; работа на первом Московском автогенном заводе начальником цеха; были защиты кандидатской и докторской диссертаций; наконец, было основное – его профессорская деятельность в Московском энергетическом институте. Он был тружеником, искателем, энтузиастом, подчас ироничным, но неизменно интересным собеседником, Личностью.

Издревле существует формула: «Студент не столько сосуд, который следует наполнить, а факел, который надо зажечь!» Любые реформы высшего образования, если они не ведут к решению этой великой и вечной задачи, обречены. Виктор Михайлович умел это делать! Будучи человеком увлечен-

ым, он увлекал за собой собеседников, слушателей, «зажигал» молодежь. Увлечшись эксергетическим подходом в термодинамическом анализе, он передавал эту увлеченность своим ученикам. Так постепенно формировалась научная школа В.М.Бродянского, которая получила широкую известность и внесла существенный вклад в развитие техники низких температур. Сегодня она осиротела. Те же, кто исповедует энтропийный подход в термодинамическом анализе (к их числу относится и автор этих строк), потеряли серьезного оппонента. Это большая потеря, ибо без споров и дискуссий невозможно двигаться вперед, не может быть развития в науках. На конференциях, страницах специализированных журналов мы отстаивали свои взгляды и убеждения и, думаю, это было интересно и небесполезно.

Виктор Михайлович писал много и множество работ им опубликовано; в том числе и в весьма трудном, но популярном научно-публицистическом

жанре. Его выдающиеся книги о Сади Карно и вечном двигателе второго рода еще долго будут читаемы и изучаемы. Они поистине великолепные учебные пособия по термодинамике. Широкий взгляд на энергетическую проблему на нашей Планете профессор В.М. Бродянский изложил в одной из последних своих больших публикаций «Доступная энергия Земли и устойчивое развитие систем жизнеобеспечения». В этой интересной и актуальной работе он справедливо поставил вопрос: «Об анализе энергетической ситуации на Земле как единого целого, с учетом развития технических наук». Возможно, это и есть завещание.

Свой шаг в этом направлении им сделан... И он не будет забыт.

Мир его праху.

А.М.Архаров, профессор, д.т.н., заведующий кафедрой «Холодильная и криогенная техника, системы кондиционирования и жизнеобеспечения» МГТУ им. Н.Э.Баумана

Это больше, чем благодарность за ШКОЛУ

Это не некролог, не выдержки из курсовой или диссертационной работы – просто несколько сдержанных слов о его неизменном руководстве, пролонгированном жизнью, которое было, оставалось и будет дальше, вне зависимости от физического присутствия на земле. Сдержанных, но, надеюсь, не тухлых, не кислых и не казённых, а вкусных и окрашенных неуёмным жизненным аппетитом и обаянием этой совершенно неординарной личности.

Я знаю, что могу говорить не только от первого лица: если есть в нас, его учениках, системное мышление, умение отделять «мух» от «котлет», ста-

вить задачи, вводить ограничения и трактовать результаты, то это отсюда, от Виктора Михайловича. Это больше, чем благодарность за ШКОЛУ, в самом высоком понимании этого слова, это привычка к постоянному

присутствию этого человека, как последней инстанции в оценке своей работы, это прочтение и проверка сделанного его глазами. Он никогда не был каноническим профессором. Резкость, едкость и уничтожающая точность его замечаний имела огромную силу, она вызывала жажду острой протестной реабилитации, желания сделать всё, но впредь не быть объектом его критики. Зато какую огромную радость приносила его похвала, его патронаж и представление своей работы в рамках его направления и школы.

Мы все, его студенты, аспиранты, просто ученики, находились под влиянием его поначалу парализующей, гипнотизирующей, а затем увлекающей манеры изложения и подачи материала. Юмор, яркая образность и прекрасный язык его лекций – это живая история, многое «из Бродянского» растащено на цитаты и давно живёт своей полноценной жизнью в нескольких поколениях МЭЭвцев, не истираясь и не теряя своей остроты и адекватности.

Сейчас, в эпоху практически повальной речевой беспомощности,

его собственный язык и требовательность к нашей речи кажутся чрезмерно высокими, но какую же неоценимую службу она сослужили всем нам, сдавшим ему экзамен.

Виктор Михайлович – это, прежде всего, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ (он не жаловал слово –УЧЁНЫЙ, считая его более подходящим пуделям), теоретик и практик, равно одарённый и в аналитике, и в «железе». Созданный им и развитый в целое направление эксергетический метод анализа – это мощнейший инструмент, позволяющий иначе подходить к оценке работоспособности и эффективности систем. И, как всякий новый инструмент, активно используется одними научными школами и с осторожностью другими. Энциклопедизм, бесспорное знание классиков термодинамики, умение остро, активно и наступательно вести научную полемику создало ему ИМЯ и сделало особой фигурой в науке и, несмотря на очевидные в то время препоны, по сумме работ позволило войти в тройку самых известных российских термодинамиков, упомянутых в американской энциклопедии, наряду с Ландау и Кричевским.

Его очень любили (одни) и остро не переносили (другие). Реальное фронтное прошлое, невероятное обаяние, здоровый обезоруживающий юмор, сарказм и откровенная восторженность – всё это наш Брод.

Когда два года назад с ним случилась беда, многие его ученики (не бывшие, а давно закончившие) по первому сигналу делали все, что нужно. И он встал. После полного паралича речи и спустя два месяца поднялся на сцену театра Эстрады, где ему первому вручили орден «Почёт и признание». Но время неумолимо и «износ отдельных деталей» сделал своё дело. Но для всех тех, кто стоит за этими строками, он не станет академическим портретом, пока жив и трудится щедро выращенный им легион, который, в свою очередь, через себя передаёт всё это идущим следом, с легендами, обросшими подробностями историями, особым слэнгом и любовно выстроенным им методом эксергетического анализа.

Виктор Михайлович, с одной стороны, человек – явление, по силе психо-физического и интеллектуального воздействия на людей, бесспорно, выступавшее как настоящая стихия. С другой стороны, это человек-система, исповедующий и неуклонно требующий и от себя, и от других предельной точности и достоверности в описании процессов, исследуемых явлений и создаваемых расчётных моделей. Конкретность, простота, чёткое структурирование и яростное неприятие любой «каши» – в понятиях, терминах, математических и физических моделях. Он мог, не читая, вычёркивать из диссертаций

предложения в шесть и более строчек длиной, как неудобоваримые для восприятия и не обструганные до истинного смысла. Не терпел халтуры и искусственного усложнения, очень любил изящество и красоту: в словах, делах, женщинах, мыслях, трактовках. С возрастом он не утратил остроты, свежести восприятия, не нажил мха и чопорности именитого учёного; самоирония, цепкий взгляд, хитроватая лукавая полуулыбка, умение слушать и неожиданно вгрызаться в ткань беседы, безжалостно откусывая лишнее и смакуя удавшуюся сердцевину.

Девять дней спустя после похорон, в разных местах, как центры парообразования, возникали маленькие и большие сообщества друзей, коллег, соратников и людей, даже просто фрагментарно причастных к его жизни, и постоянно перезваниваясь, вспоминали, горевали, сознавая своё родство и причастность к одной группе крови. Виктор Михайлович Бродянский – это эпоха, Личность, не ограниченная датами рождения и смерти, это внутренний стержень и пожизненное противоядие от любой халтуры и недоделанности на всю оставшуюся жизнь для всех, прошедших его школу.

Г.Ю.Гончарова, к.т.н., ведущий научный сотрудник ГП «Холодильно-инженерный центр», студентка и аспирантка В.М.Бродянского

На его лекции мы мчались на такси

Когда Брод впервые вошел в аудиторию: высокий, мощный, неподражаемый, – сейчас сказали бы: «В нем есть харизма», а тогда просто его энергия «пробила» нас, «перетекла» и зацепила каждого, заставила мыслить, концентрироваться, воспринимать...

множество книг о физиках и математиках от Ландау и Лобачевского до собирательных художественных

Лично для меня он был собранным воедино образом Ученого, которого я воображала, прочитав в школе

образов физиков Даниила Гранина, все было в нем:

ум, ироничность, юмор, снисходительная доброжелательность.

Мы все на первом же занятии поделили конспект пополам, где на одной половине был сам предмет, а на другой – «лирические комментарии», зарисовки, этюды, случаи, но именно эту часть конспекта мы потом пересказывали друзьям, знакомым,

сокурсникам, тем, кто не имел счастья это слышать.

О его виртуозных экспромтах ходили легенды, например, что он на фронте был десантником и носил на руках великую Русланову, что он был учеником Петра Леонидовича Капицы, а тот, как известно, был учеником великого Резерфорда. Следовательно, это давало и мне право считать и себя их ученицей, чем я очень гор-

дилась. Да и представить, что от Бога Физики нас, через Брода, отделяло три рукопожатия «великих физиков» придавало ему в наших глазах невероятную значимость.

Мы обожали его и слушали, открыв рот. Ни к одному преподавателю на лекцию за все годы студенчества мы не мчались на такси, сломя голову, с другого конца Москвы, бросив все дела, только потому, что это был урок Брода.

И уже на последнем курсе мы напросились с подружками к нему на диплом. Мы дрожали и заглядывали в глаза, молили одновременно научить и защитить, бегали на консультации на кафедру, домой, в переход в метро, где только могли его застать, от

страха и волнения еще больше глупели и обмирали, и потому «пятерка» на защите была не заслугой – наградой от Великого Брода.

И еще, я помню выпускной вечер, когда в наш диплом вместо ожидаемой записи «инженер–криофизик» (как звучит!!!) вписали «инженер–механик», и тогда Виктор Михайлович Бродянский сказал: «Не расстраивайтесь, «механик» – это ничего, это хорошо, надежно, с такой профессией – не пропадешь, я и сам по диплому механик, и это не помешало мне стать доктором технических наук, профессором и т.д.». Спасибо, дорогой учитель, Вы были правы на все 100!!!!

Сколько раз я вспоминала эти

слова и на далекой Камчатке, и в пострадавшемся Приднестровье, куда бы не забросила меня судьба, и, даже, уйдя из профессии, я до сих пор понимаю, что и по форме и по сути эта профессия, а вернее, отношение к ней, которому Вы нас учили, заставляя мыслить не шаблонно, иметь свое собственное мнение, Ваш пример, Ваша жизненная установка, это все, что не дало нам пропасть!

Вы были Великим нашим Учителем, и за это мы все благодарим Вас.

Л.Новичкова, эксперт
Международной федерации
бухгалтеров, лауреат конкурса
«Лучший бухгалтер России»

Он меня научил хорошо «прыгать через забор»

Учитель... Виктор Михайлович учил главному – не бояться и побеждать. Пессимизм всегда воспринимался им как состояние, неприличное для человека. И если ученик сталкивался с «неразрешимой» проблемой, Виктор Михайлович всегда умел прокомментировать ситуацию так, что проблема превращалась в руководство к действию, а страхи и «махания крыльями» оказывались наивными и смешными.

Виктор Михайлович фонтанировал цитатами русских и зарубежных классиков, виртуозно подбирая фразы к каждой ситуации.

После чего, хитро глядя на ученика, спрашивал: «Помните, откуда это?» - и в случае отрицательного ответа с сочувствием укорял: «Темнота!» - и сам отвечал на свой вопрос. Все это говорилось им настолько доброжелательно и деликатно, что хотелось сразу же бежать в библиотеку, чтобы заполнить все пробелы в образовании и впредь не огорчать учителя.

А каким он был рассказчиком! Бывало, после очередной порции историй из собственной жизни Виктор Михайлович шутил: «Вот выйду на пенсию – буду писать мемуары». Жаль, что это так и осталось шуткой. Тот, кто читал его книги и статьи, не мог не оценить неповторимый стиль Бродянского.

А его, ставшие крылатыми, словеч-

ки и выражения! «Лев Толстой так не писал!» – это значило, что представленное на его суд творчество следует «перевести на русский». Зато брошенное почти равнодушно, «Гениально!» означало, что теперь работу не стыдно и людям показать. И, конечно, главным для «вкусной» работы было наличие в ней «жареной курицы». А еще: «Курицу через забор прыгать не научишь!» – такого порицания удостаивались избранные.

Виктор Михайлович исподволь воспитывал, ненавязчиво обучал, порой это было даже не заметно. И только сейчас, сталкиваясь на работе с новыми и далекими от первоначальной специальности темами, каждый раз понимаю: а ведь он меня действительно научил хорошо «прыгать через забор». И еще он умел дружить, быть старшим (даже очень старшим) другом – не высокопарно, а по-человечески.

Он находил общий язык не только с аспирантами, но и с их детьми. На случай прихода детей, чтобы им не

было скучно, у Виктора Михайловича хранился в ящике письменного стола игрушечный серый зайчик. Когда я пришла к Виктору Михайловичу со своей маленькой дочкой, у которой тоже был игрушечный зайчик, произошел обмен зайчиками. Зайчик моей дочки переселился к Виктору Михайловичу, а серый зайчик до сих пор обитает на полке у моей уже подросшей дочери.

Виктор Михайлович, непоколебимый оптимист, всегда казался мне огромным надежным маяком, который есть и будет всегда. К нему всегда можно было прибежать за советом и поддержкой. А иногда было достаточно представить себе, что бы сказал Виктор Михайлович в данной ситуации и как бы он при этом сочувственно-ехидно улыбнулся, чтобы решить задачу самостоятельно. Но почему – было? Маяк не погас – он просто исчез. А свет остался.

Е.Н.Серова, студентка, аспирантка
В.М.Бродянского, к.т.н., доц. каф. ХКТ
МГУИЭ, ст. научн. сотр. ГНУ ВНИХИ